

ОБРАЗЫ СОЗНАНИЯ КАК ФОРМА ПОЗНАНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Рассматриваются некоторые аспекты соотношения единиц сознания и единиц языка. Обращение к области сознания в целях установления связей между семантикой языковых единиц и образами сознания позволяет выделить общие, индивидуальные и культурно-маркированные аспекты познания окружающей реальности. Анализируется понятие «образ» с точки зрения различных подходов. Осуществляется попытка реконструкции образов сознания, явившихся результатом переработки информации, полученной в ходе познавательной деятельности посредством различных информационных каналов.

В результате предполагается, что образы сознания формируют когнитивную базу, поскольку в них находят свое отражение результаты познания окружающего мира в рамках той или иной культуры, а также индивидуальная интерпретация перцептивной информации о реальности. Эта когнитивная база в свою очередь служит основой формирования образа мира и мотивирующей основой семантики языковых единиц. Образность интерпретируется как способ концептуализации окружающей реальности.

Ключевые слова: образы сознания, перцептивная информация, когнитивная база, образность.

...Подлинный характер языка покоится на чем-то гораздо более тонком, сокровенном и менее доступном для анализа.

В. ф. Гумбольдт

Принимая положение о том, что специфической чертой когнитивизма в языкознании является своеобразие элементов, подвергающихся анализу в рамках данного направления, вследствие их принадлежности области сознания, а также их образной природы, необходимо отметить, что идея структурирования этих элементов представляется довольно сложной задачей, поскольку число этих элементов поистине бесконечно ввиду бесконечного разнообразия окружающего мира и поступающей из него информации, а также индивидуальной интерпретации этой информации.

Еще Плотин отмечал, что «люди с самого начала – от рождения, да и потом – гораздо больше пользуются (в целях познания) чувствами, чем умом, и вследствие этого, естественно, прежде всего интересуются вещами чувственными. <...> Те наши понятия о чувственных вещах, которые вырабатываются рассудочной деятельностью души и которые следует считать даже не познаниями, а скорее мнениями, представляют собой нечто более позднее, чем сами эти вещи, и суть не что иное, как их образы, отражения» [1, с. 113–120].

Проблематика визуального образа и 'образного сознания' играла заметную роль в феноменологической философии. Так, по словам И. Н. Инишина, «одним из важнейших итогов предпринятых ранними феноменологами усилий – ясное осознание 'образного сознания' как особого типа акта восприятия и многосоставной структуры 'образного объекта'» [2, с. 16].

В своей работе «Природа вещей» Э. Куинтон отмечает, что «просто невозможно подобрать какой-то жест или позу, которая однозначно соответ-

ствовала бы образу Солсберийского собора. Конечно, человек, представляющий себе Солсберийский собор, ведет себя как-то по-особенному: он может иметь задумчивое выражение лица, его взгляд может быть направлен в какую-то малоинформативную зону пространства. Но по этим поведенческим знакам мы никак не сможем отличить мысленные образы другого человека от более абстрактных форм его мышления, и они ничего не скажут нам о содержании его образов. Таким образом, внешнее невербальное поведение не может служить надежной основой для проникновения в образный мир других людей. Поэтому мы попадаем в зависимость от их вербального поведения, то есть от их слов, а не от того, что они делают. С этого и начались научные исследования мысленных образов, а именно с попыток собрать вербальные отчеты людей об их феноменальном опыте» [цит. по 3, с. 15].

Пониманием языка как важнейшей когнитивной способности человека, в основе которой лежат ментальные структуры, отвечающие за переработку, хранение и репрезентацию результатов человеческого опыта, обусловлено и сегодняшнее обращение к исследованию образов сознания на базе языковых данных.

Свойственная современной науке тенденция к интеграции определила возможность рассмотрения мысленных образов в рамках разных исследовательских подходов. Несмотря на вариативность терминологии, включающей такие именованья, как 'образы сознания', 'мысленные образы', 'ментальные образы', 'ментальные репрезентации' и др., представляется, что все они связаны с познавательной деятельностью человека и представляют область сознания, соотносимую с языковой действительностью.

Так, в работах по семиотике термины 'образ, концепция чего-л.' (image) и 'понятие' (concept) взаимозаменяемы, хотя имеют различия. Первый –

это мысленный образ (picture) референта, возникающий, когда знак используется или подразумевается; второй представляет собой культурно-специфическую интерпретацию, которая предписывается этому образу (picture) [4, с. 25].

Исследования в области психологии делают акцент на чувственной природе образа. Так, Ф. Е. Василюк в качестве модели образа сознания предлагает структуру тетраэдра, вершины которого образованы предметным содержанием образа, личностным смыслом, значением и словом. Объем образа заполнен живой, текучей плазмой чувственной ткани, которая «живет и движется в четырехмерном пространстве образа, задаваемом силовыми полями его узлов, и, будучи единой, она вблизи каждого из полюсов как бы уплотняется, концентрируется, приобретает характерные для данного измерения черты» [5, с. 8]. Автор отмечает, что образ сознания имеет пять измерений: значение, предмет, личностный смысл, знак (слово), чувственная ткань. Первые четыре – магниты полюса, являющиеся представителями мира культуры, внешнего мира, внутреннего мира человека и мира языка в психическом образе. Чувственная ткань, присущая всем предыдущим четырем измерениям, получает другое структурное место в модели сознания, представ не как образующая, стоящая в ряду: значение, личностный смысл, чувственная ткань, а как особая внутренняя составляющая образа, его живая плазма. Структура индивидуального сознания, таким образом, представляет собой точку пересечения разных миров: «Значение является единицей мира культуры, слово – мира языка, смысл – внутреннего мира личности, а чувственная ткань выступает как единица тела, представитель мира человеческого тела в образе сознания» [5, с. 18].

Современные психолингвистические исследования указывают на наличие так называемого промежуточного языка, или языка мысли, наиболее типичными элементами которого являются образы восприятия, возникающие как отражение в сознании объектов и явлений окружающей действительности. Под термином «образы сознания» в психолингвистике принято понимать конституирующие языковое сознание элементы, овнешняемые языковыми средствами, и интегрирующие в себе языковые знания, которые формируются преимущественно в ходе речевого общения, и чувственные знания, возникающие в сознании в результате переработки перцептивных данных, полученных посредством органов чувств в процессе познавательной деятельности. При этом подчеркивается, что зафиксировать знания, входящие в образы сознания, представляется достаточно сложной задачей, поскольку знания как достояние сознания конкретного индивида недоступны внешнему наблюдению [6–8].

Со становлением когнитивных наук получило развитие понимание образа как категории сознания, который отождествляется с понятием «ментальной репрезентации». Поскольку это понятие имеет достаточно широкий экстенционал – под него подводятся такие структуры знания, как концепты, ментальные модели, гештальты, фреймы, сценарии, образ-схемы, то изучение ментальных репрезентаций ведется в рамках программ исследования восприятия, памяти, мышления и т. д. Центральным вопросом теории ментальных репрезентаций является репрезентация в мозгу информации и использование этой информации. Понятие репрезентации основывается на том, что есть нечто репрезентируемое и то, что его репрезентирует в сознании человека – репрезентирующее. Поскольку ментальные репрезентации наряду с образами восприятия, рассматриваемыми в психолингвистике, изучаются в тесной связи с процессом восприятия, И. Ю. Колесов указывает на тот факт, что сенсорная информация служит презентации внешних по отношению к человеку объектов и сенсорные образы каузально связаны с воспринимаемыми объектами. В то время как репрезентация служит иной цели: субъект пользуется ею как моделью отражения объекта, но в режиме офлайн, при отсутствии каузальной связи между репрезентацией и репрезентируемым [9, с. 45–46].

Тем не менее несмотря на некоторые различия в понимании сущности элементов сознания и вариативность терминологии, обусловленные исходно разными теоретическими и методологическими установками, представляется, что «образы сознания», «образы восприятия», «мысленные образы», «ментальные образы», «ментальные репрезентации» и др. имеют много общего, поскольку являются продуктом когнитивной деятельности и представляют область сознания, соотносимую с языковой действительностью. Поэтому использование общего термина «образы сознания» для именованья перечисленных выше элементов сознания кажется вполне возможным. Г. И. Берестнев, например, в своей работе [10] указывает на тот факт, что одна из характерных черт когнитивизма в языкознании обнаруживает себя в своеобразии его объектов, которые имеют образную природу. Образность эта особого рода: она инвариантна по отношению ко всем частным видам образов (зрительных, слуховых, тактильных, вкусовых, обонятельных, эмоциональных) и лежит в основе организации всех познавательных процессов [10, с. 83–84].

Обращение к проблеме образов сознания в этнокультурном ракурсе представляется, на взгляд автора, одним из наиболее интересных и перспективных направлений. Такой подход кажется вполне оправданным, поскольку, с одной стороны, идеоло-

гия когнитивной семантики в целом тесно связана с образными представлениями, а с другой – сформированные в сознании представители различных лингвокультурных сообществ образы сознания несут на себе отпечаток культуры. Вследствие чего последние представляют материал для реконструкции как отдельных фрагментов картины мира какой-либо нации, так и целостного образа мира ее представителей.

Специфика мировосприятия обусловлена, как известно, не различиями в структуре сознания представителей различных лингвокультурных сообществ, а разными ментальными образами, сформированными под воздействием географических, исторических общественных и религиозных особенностей, формирующих менталитет народа и воплощенных в языке. Поскольку когнитивные структуры ориентированы на отражение структуры внешнего мира, попытка реконструкции образов сознания, связанных с представлениями о различных фрагментах действительности в сопоставительном аспекте, позволяет выявить и универсальные содержательные компоненты в структуре того или иного глубинного представления, и специфические уникальные компоненты, обуславливающие своеобразие языкового сознания того или иного народа.

В американской лингвистике в рамках развиваемого подхода к анализу языковых фактов, именуемого ‘*cultural linguistics*’, язык принято понимать как вербализацию различных образов сознания (*‘image’*), прототипической функцией которых принято считать репрезентацию окружающего мира [11, p. 46–47].

И в отечественной, и в зарубежной лингвистике не подвергается сомнению ключевая роль чувственного восприятия при формировании образа, вследствие чего образы сознания представляют собой особую форму сенсорно-перцептивного процесса на различных уровнях когнитивных структур, основной задачей которых является интеграция полученных по разным информационным каналам впечатлений и ощущений. По словам А. Н. Леонтьева, предмет не может характеризоваться каким-то одним свойством, это всегда узел свойств, а образ – «узел модальных ощущений». Одно и то же свойство объекта вызывает при восприятии совершенно разные по модальности впечатления, которые в сознании вновь сливаются в единый образ [12, с. 10].

Н. Д. Арутюнова также подчеркивает, что образ «объединяет данные, поступающие по разным каналам связи человека с миром» [13, с. 315]. Так, восприятие зрением, «будучи главным каналом поступления к человеку информации о мире, обширно представлено в языках различными репрезентантами именно благодаря значимости данного

способа познания окружающего мира и ориентирования в нем» [9, с. 11]. Однако образы ‘питаются’ и из других информационных каналов будь то слух, обоняние, вкус или тактильность, поскольку являются концептуальными аналогами непосредственного чувственного опыта, полученного из внешнего мира (*‘the world out there’*) при помощи органов чувств, в которых находит отражение специфика культуры.

Образность восприятия, таким образом, играет определяющую роль в жизнедеятельности индивида и может интерпретироваться как «особый способ концептуализации действительности» [14, с. 72].

Представляя собой ненаблюдаемый по своей природе «доязычный» феномен, образ требует перевода на естественный язык посредством языковых знаков, являющихся их ‘овнешнением’ (термин Е. Ф. Тарасова). Интерпретация образа, репрезентированного языковым знаком, есть попытка реконструкции имеющихся знаний о мире как со стороны отдельного индивида, так и этноса в целом.

Так, например, вербализацию культурно-специфических ментальных образов, связанных с культурными традициями Франции, можно проиллюстрировать следующим примером:

Le parc était à l’abandon, une multitude de parfums mêlés provoquaient à chaque fois une farandole incontrôlable de souvenirs olfactifs [Levy, 2000, p. 164] / Парк был в запустении, бесконечное множество разнообразных запахов каждый раз вызывало не поддающийся контролю хоровод воспоминаний (здесь и далее перевод автора).

Поскольку ‘фарандола’ – это старинный народный хороводный танец, появившийся в Провансе, именно ментальный образ фарандолы, сформировавшийся во франкоязычном сознании, послужил основой для сравнения соединения множества запахов в парке, репрезентируя воспоминания героя, сформированные на базе модальности обоняния.

Однако не только сформированная в рамках какой-либо культуры, но и сугубо индивидуальная интерпретация говорящим перцептивной информации, поступающей из окружающего мира, обуславливает неповторимость и уникальность рождающихся контекстов. Так, информация, полученная индивидом вследствие зрительного восприятия города, познания его специфических особенностей, порождает нетривиальный образ русской матрешки:

I soon learnt that Paris is not a city. It’s just a mass of Russian dolls boxed one inside the other, each with its customs and prejudices, each with its church, mosque, synagogue; all of them rife with bigots, gossips, insiders, scapegoats, losers, lovers, leaders, and objects of derision [Harris, 2007, p. 29] / Вскоре я уз-

нала, что Париж – не город. Он как русская матрешка, внутри которой спрятаны куклы меньшего размера, каждая из которых со своими собственными обычаями и предрассудками, со своей собственной церковью, мечетью, синагогой; у каждой из них свои фанатики, сплетники, осведомители, козлы отпущения, неудачники, поклонники, вожжаки и объекты насмешек.

Представляется вполне очевидным тот факт, что различные образы сознания, как культурно-специфичные, так и индивидуальные, и универсальные, являются конституирующими компонентами образа мира того или иного этноса. Термин «образ мира» коррелирует с термином «концептуальная картина мира», принятым в когнитивной лингвистике, обозначающим результат познания действительности в виде сформированной совокупности концептов разных типов – концептосферы народа, национальная специфика которой находит свое отражение в национальной специфике семантических пространств языков [15, с. 13].

Восприятие и осознание современной реальности, происходящих событий находят свое непосредственное воплощение в языковых единицах, отражающих понимание человеком устройства окружающей действительности. Образы сознания, сформированные в ходе наблюдений за явлениями окружающего мира, становятся когнитивной базой для единиц языка, репрезентирующих результаты познания этого мира. Хотя, как отмечает Р. Солсо, внутренние репрезентации реальности – это не то же самое, что сама внешняя реальность, т. е. они не изоморфны и наша внутренняя репрезентация реальности имеет лишь некоторое сходство с реальностью внешней, но когда мы абстрагируем и преобразуем информацию, мы делаем это в свете нашего предшествующего опыта [16, с. 37].

На основе опыта взаимодействия человека с физической реальностью сквозь призму осмысления природных феноменов осуществляется концептуализация и категоризация и объектов внешнего мира, и внутреннего мира человека. Так, например, в романе К. Панколь мотивирующей основой описания мирового финансового кризиса 2008 г. в терминах «цунами» стал образ, сформированный в сознании относительно данного природного явления, наделенного такими ингерентными признаками, как мощь, скорость, разрушительная сила:

...plus rien ne sera jamais plus comme avant. Près de cent mille emplois vont être supprimés dans la City. Il ne s'agit plus de savoir combien d'argent on va perdre, mais il s'agit de survivre. On est passé de l'euphorie totale à la crise totale.... C'est un tsunami ! Un véritable tsunami ! Tout se casse la figure ! Des contrats qui auraient dû être signés traînent, les gens

s'affolent et se défilent, ils veulent des garanties et les banquiers grelottent ! [Pancol, 2010, p. 73] / ...уже никогда не будет так, как раньше. Около ста тысяч служащих будут уволены в Сити. Речь уже не идет о том, сколько денег будет потеряно, речь идет о том, как выжить. Мы прошли путь от полнейшей эйфории до полнейшего кризиса. Это цунами! Настоящее цунами! Контракты, которые должны были быть подписаны, – отложены, люди в полной растерянности уходят один за другим, они хотят гарантий, а банкиры дрожат от страха.

Ментальный образ данного природного феномена лежит и в основе его использования в качестве эталона для сравнения при описании внутреннего эмоционального состояния человека, связывая воедино 'схваченную' сознанием и вербализованную посредством языка окружающую действительность:

That entire tsunami of eloquent nostalgia was set off by the specific memory of Marcel's beloved Aunt Leonie, who, every Sunday after church, used to share her madeleines with the boy when he was a child [Gilbert, 2011, p. 233] / Это было настоящее цунами красноречия, вызванное ностальгическими воспоминаниями о любимой тетушке Марселя, Лионе, которая каждое воскресенье после посещения церкви раздавала мальчишкам печенье, когда он был еще ребенком.

Как известно, в процессе познания некоторого объекта или явления действительности образ, в форме которого этот объект или явление отражается в сознании, содержит некоторое количество признаков. Так, профилирование признака 'большой размер', мотивированное представлениями о масштабах мира и вселенной в целом, становится когнитивной основой для языковых единиц со значением 'много'. Приведем примеры:

I think this change would do Dorina a world of good [Murdoch, p. 211] / Я думаю, что это изменение принесло бы Дорине много положительного.

Из книжек она достоверно знала: писатели в пору творческого застоя могут запитать, и запитать так всемирно, что мемуаристы потом только про эти загулы и вспоминают... [Поляков, 2010, с. 30].

Подводя итог сказанному выше, необходимо отметить, что образы сознания представляют собой результат перцептивного опыта познания действительности. В основе образов сознания лежит наш сенсомоторный опыт, т. е. опыт познания мира через каналы чувственного восприятия. Они формируют когнитивную базу, поскольку в них находят свое отражение результаты познания окружающего мира в рамках той или иной культу-

ры, а также индивидуальная интерпретация перцептивной информации о реальности. Эта своеобразная база данных об объектах, явлениях, событиях реального мира находит свое воплощение в различных единицах языка, репрезентирующих и объективирующих полученные в процессе познания данные человека об окружающей действительности.

Реконструкция образов сознания как единиц опыта, связанных с представлением о различных аспектах бытия, на основе языковых данных способствует проникновению в так называемый 'ненаблюдаемый мир ментального', способствуя осознанию тесных взаимных связей между значением языкового знака и всей системой знаний человека о мире.

Список литературы

1. Плотин. Избранные трактаты. В 2 т. М.: Изд-во «РМ», 1994. Т. 1. 128 с.
2. Инишин И. Н. Взаимосвязь визуального восприятия, пространства и действия в герменевтической концепции образа // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2014. Вып. 7 (148). С. 16–24.
3. Ричардсон Т. Э. Джон Мысленные образы: Когнитивный подход: пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2006. 175 с.
4. Данези М. В поиске значения. Введение в семиотическую теорию и практику / пер. с англ.; под общ. ред. С. Г. Проскурина. Новосибирск, 2010. 192 с.
5. Василюк Ф. Е. Структура образа // Вопросы психологии. 1993. № 5. С. 5–20.
6. Тарасов Е. Ф. Языковое сознание: теоретические подходы // Этнокультурная специфика языкового сознания. 1996. С. 7–21.
7. Уфимцева Н. В. Языковое сознание и образ мира славян // Языковые ступени и образы мира: сб. статей / отв. ред. Н. В. Уфимцева. М., 2000. С. 207–219.
8. Караулов Ю. Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковые ступени и образы мира: сб. статей / отв. ред. Н. В. Уфимцева. М., 2000. С. 191–206.
9. Колесов И. Ю. Проблемы концептуализации и языковой репрезентации зрительного восприятия (на материале английского и русского языков). Барнаул: БГПУ, 2008. 354 с.
10. Берестнев Г. И. Образы множественности и образ множественности в русском языковом сознании // Вопросы языкознания. 1999. № 6. С. 83–99.
11. Palmer G. V. Toward a theory of cultural linguistics. University of Texas Press, 1996. 348 p.
12. Леонтьев А. Н. Психология образа // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1979. № 2. С. 3–13.
13. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. 895 с.
14. Гольдберг В. Б. Образность как способ концептуализации действительности (на материале образных глагольных сравнений) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 1. С. 64–75.
15. Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и национальная картина мира. Воронеж: Истоки, 2007. 61 с.
16. Солсо Р. Когнитивная психология СПб.: Питер, 2002. 592 с.

Список источников иллюстративного материала

1. Поляков Ю. Гипсовый трубач, или Конец фильма. М.: Астрель: АСТ, 2010. 381 с.
2. Gilbert E. Committed. Lnd.: Penguin Books, 2011. 344 p.
3. Harris J. The Lollipop Shoes. Black Swan, 2007. 587 p.
4. Levy M. Et si c'était vrai.... Paris: Robert Laffont, S.A., 2000. 251 p.
5. Murdoch I. An Accidental Man. Lnd.: Vintage, 2003. 377 p.
6. Pancel K. Les écureuils de Central Park sont tristes le lundi. Albin Michel, 2010. 945 p.

Федяева Е. В., кандидат филологических наук, доцент.

Новосибирский государственный технический университет.

Пр. К. Маркса, 20, Новосибирск, Россия, 630073.

E-mail: fedyaeva_lena@mail.ru

Материал поступил в редакцию 28.10.2015.

E. V. Fedyaeva

MIND IMAGES AS A FORM OF REALITY COGNITION

The article dwells on certain aspects of the correlation between the mind units and language units. Addressing the issues of mind in order to investigate the connection between the language units semantics and mental images makes it possible to single out general, individual and culturally marked components of reality cognition. Different approaches

to the term image are under consideration. The reconstruction of the mind images that appear to be the result of differently channeled cognition processes has been attempted at. It is suggested that the mind images create a certain basis as soon as they reflect the results of the reality cognition confined within a culture as well as individual interpretation of the perceptual information. This cognitive basis serves in turn as a foundation for the image of the world, and a motivating ground for the language units semantics. Imagery may be treated as one of the ways of reality conceptualization.

Key words: *mind images, perceptual information, cognitive basis, imagery.*

References

1. Plotin. *Izbrannye traktaty* [Selected Treatise]. V. 1, Moscow, RM Publ., 1994. 128 p. (in Russian).
2. Inishin I. N. Vzaimosvyaz' vizual'nogo vospriyatiya, prostranstva i deystviya v germenevicheskoy kontseptsii obraza [Interconnection between visual perception, space and action in hermeneutic concept of image]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2014, no. 7 (148), pp. 16–24 (in Russian).
3. Richardson John T. E. *Imagery*. The Psychology Press, Hove, East Sussex, 1999. 168 p. (Russ. ed.: *Myslennyye obrazy: Kognitivnyy podkhod: per. s angl.* Moscow, Kogito-Tsentr Publ., 2006. 175 p.)
4. Danezi M. *The Quest for Meaning: A Guide to Semiotic Theory and Practice*. University of Toronto Press, 2007. 201 p. (Russ. ed.: *V poiske znacheniya. Vvedeniye v semioticheskuyu teoriyu i praktiku: per. s angl.* Novosibirsk State Univ. Publ., Novosibirsk, 2010. 192 p.)
5. Vasilyuk F. E. Struktura obraza [The Image Structure]. *Voprosy Psikhologii – Psychology Problems*, 1993, no. 5, pp. 5–20 (in Russian).
6. Tarasov E. F. Yazykovoye soznaniye: teoreticheskiye podkhody [The Linguistic Mind: Theoretical Approaches]. *Etnokul'turnaya spetsifika yazykovogo soznaniya – Ethnocultural Specifics of the Linguistic Mind*, 1996, pp.7–21 (in Russian).
7. Ufimtseva N. V. Yazykovoye soznaniye i obraz mira slavyan [The Linguistic Mind and the Slavs Image of the World]. *Yazykovyye stupeni i obrazy mira – Language Stages and the Image of the World*. Moscow, 2000, pp. 207–219 (in Russian).
8. Karaulov Yu. N. Pokazateli natsional'nogo mentaliteta v assotsiativno-verbal'noy seti [National Mentality Attributes in the Associative Verbal Net]. *Yazykovyye stupeni i obrazy mira – Language Stages and the Image of the World*. Moscow, 2000, pp. 191–206 (in Russian).
9. Kolesov I. Yu. *Problemy kontseptualizatsii i yazykovoy reprezentatsii zritel'nogo vospriyatiya (na materiale angliyskogo i russkogo yazykov)* [The Problems of Visual Perception Conceptualisation and Language Representation (Exemplified by the English and Russian Languages)]. Barnaul, BGPU Publ., 2008. 354 p. (in Russian).
10. Berestnev G. I. Obrazy mnozhestvennosti i obraz mnozhestvennosti v russkom yazykovom soznanii [The Multitude Images and the Image of Multitude in the Russian Linguistic Mind]. *Voprosy yazykoznaniiya – Problems of Linguistics*, 1999, no.6, pp. 83–99 (in Russian).
11. Palmer G. B. *Toward a theory of cultural linguistics*. University of Texas Press, 1996. 348 p.
12. Leont'ev A. N. Psikhologiya obraza [Image Psychology]. *Vestnik Moskovskogo universiteta Ser. 14. Psikhologiya – Moscow University Bulletin, Ser. 14. Psychology*, 1979, no. 2, pp. 3–13 (in Russian).
13. Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [The Language and the World of the Humans]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1998. 895 p. (in Russian).
14. Gol'dberg V. B. Obraznost' kak sposob kontseptualizatsii deystvitel'nosti (na materiale obraznykh glagol'nykh sravneniy) [Imagery as a Means of Reality Conceptualization (Exemplified by Image-bearing Verbal Similes)]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Problems of Cognitive Linguistics*, 2013, no.1, pp. 64–75 (in Russian).
15. Popova Z. D., Sterin I. A. *Yazyk i natsional'naya kartina mira* [The Language and the National World View]. Voronezh, Istoki Publ., 2007. 61 p.
16. Solso R. *Kognitivnaya psikhologiya* [Cognitive Psychology]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2002. 592 p. (in Russian).

Fedyayeva E. V.

Novosibirsk State Technical University.

Pr. K. Marksa, 20, Novosibirsk, Russia, 630073.

E-mail: fedyayeva_lena@mail.ru